

УДК 821.161.1.09

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Пейзажная лирика Г. Иванова несет в себе философский пафос. В ней сплетаются многие проблемы бытия, идеи восточных религий, пантеизма и язычества с характерным одушевлением явлений природы и персонификацией, но превалируют традиции христианской культуры с мотивами распятия, воскрешения и реальности иного мира. Детали национального природного мира помогают поэту выразить ностальгию. Значительное место в творчестве поэта занимает изображение природного мира через призму искусства.

Ключевые слова: *Г. В. Иванов, природа, пейзаж, национальный характер, онтология, православие.*

Выдающийся поэт-акмеист Серебряного века и русской эмиграции первой волны начал свой творческий путь со стихов созерцательных, и критики справедливо отмечали, что ему особенно удаются описания природы. Правда, тут же поэта упрекали в том, что «он не мыслит образами», а может быть, «вообще никак не мыслит» [4, с. 142]. Но анализ творчества поэта в целом показывает, что это далеко не так. Само обращение поэта к теме природы в то время, когда превалировала урбанистическая лирика, концептуально. В программном, написанном в духе акмеизма, стихотворении «Из белого олонецкого камня...» поэт утверждает приоритет реальной жизни в сравнении со всеми видами искусства. Но особое значение для его души имеет живая природа, одухотворенная, освященная церковью, то есть Божий мир;

Я разлюбил созданья живописцев,
И музыка мне стала тяжким шумом,
И сон мой одолевает веки,
Когда я слушаю стихи моих друзей.
Но с каждым днем душа сильней томится
Об острове зеленом Валааме,
О церкви из олонецкого камня,
О ветре, соснах и волне морской [5, с. 43].

Для поэта характерно отношение к природе, как к Божьему творенью, она духовно освящена и прекрасна. Все пронизано любовью: «Моя любовь, она все та же // И не изменит никогда // Вам, старомодные пейзажи, // Деревья, камни и вода» [5, с. 244]. В природе поэт находит свое счастье: «Мое единственное счастье – // Деревья, камни и вода», – заканчивает он это стихотворение. «Победная и грозная, // Да будет рать свята... // Поем, а небо звездное // Сияет – даль чиста. // Спокойна ночь морозная – // Христова

красота», – утверждает он в стихотворении «Рождество в скиту» [5, с. 94]. Поэту свойственно ощущение сакральности мира: «Склонились на клумбах тюльпаны, // Туманами воздух пропитан. // Мне кажется, будто бы спит он, // Истомой весенней пьяный» [5, с. 70]. Поэт признается, как «сладостно и просто верить в Бога», восхищаясь окружающим миром и ощущая его тайну: «Уже закат, одеждами играя, // На лебедях промчался и погас. // И вечер мгlistый, и трава сырая, // И сердце узнает свой тайный час» [5, с. 45]. Он говорит и о существовании темных, холодных сторон природного мира. При этом лексика, свойственная религиозной философии начала XX века, проникает в образную систему поэта, становится неотъемлемой её частью. Так, в стихотворении «На две части твердь разъята...» возникает и библейский образ тверди, и символистский образ купины, религиозно-медитативный образ моленной:

На две части твердь разъята:
Лунный свет горит в одной,
А в другой костер заката
Рдеет красной купиной.
Месяц точит струи света,
Взятый звездами в полон.
Даль еще огнем одета,
Но уже серебрян лён.
И над белою моленной
Ночи грусть плывет, тиха,
Льётся музыкой свирельной
Неживого пастуха [5, с. 71].

Пейзажная лирика Г. Иванова несет в себе философский пафос. В ней сплетаются многие проблемы бытия, идеи восточных религий, пантеизма и язычества с характерным одушевлением явлений природы и персонификацией, но преобладают традиции христианской культуры с мотивами распятия, воскрешения и реальности иного мира. «На стыке реальности и догадки, этого и того мира «рождается» один из основных принципов поэзии Георгия Иванова – принцип контраста», – подчеркивает исследователь его творчества [1, с. 64]. При этом проблема своего и чужого мира в творчестве Г. Иванова решается своеобразно. Реальный окружающий мир в онтологическом, национально-пространственном и временном планах подчас оказывается чужим.

Не принимая послереволюционные социальные сдвиги в России и находясь вдали от нее, поэт противопоставляет настоящему лирически опозитизированное прошлое. Впрочем, это свойство его таланта заметно и в ранней лирике. Характерно стихотворение «Неправильный круг описала летучая мышь...». Лирического героя мучает чувство утраты, печали, ностальгии, присущая человеку тоска по вечной жизни, по вечной любви. Образ природы ассоциативно связан с образом детства, который возникает в первой строфе: «Неправильный круг описала летучая мышь, // Сосновая ветка качнулась над темной рекой, // И в воздухе тонком блеснул, задевая камыш, // Серебряный камешек, брошенный детской рукой» [5, с. 51]. Детали реального мира несут в своей глубине архетипические и мифологические смыслы

(круговорот жизни, река времени, миг любви и т.д.), что придает тексту особую глубину и философскую значимость. Детство – это чистота, непорочность, целомудрие, это идеальное начало в любви. Стихотворение остро-конфликтно. Темное, ночное начало (летучая мышь, темная река), безысходность (круг), стирание прошлого, исчезновение памяти («море на убыль идет», «песок засыпает оазисы, сохнет река» [5, с. 51]) противопоставляются иным, противоположным тенденциям («Блеснул, задевая камыш, серебряный камушек», «В сердце пустыни когда-нибудь жизнь расцветет», «Розы вздохнут над студеной водой родника» [5, с. 51]). Природа становится символом жизни личности, и «сердце пустыни» ассоциируется с пустыней сердца лирического героя, которое все-таки может еще ожить. В конечном счете стихотворение заключает в себе внутренний протест против мира, в котором безжалостное время стирает любовь и красоту:

Но если синей в целом мире не сыщется глаз,
Как темное золото, косы и губы, как мед,
Но если так сладко любить, неужели и нас
Безжалостный ветер с осенней листвой унесет [5, с. 51].

В заключительной строфе называется то чувство, которое передается в стихотворении всей системой образов, – тайная тоска.

Значительное место в творчестве Г. Иванова занимает тема искусства. Первым его увлечением была живопись. Творчество А. Ватто, К. Лоррена, У. Тернера, Т. Гейнсборо и других художников становится одной из сквозных тем в его поэзии на протяжении всего литературного пути. Поэт широко воспроизводит в своих стихах художественные виды природы, увиденные на полотнах известных и малоизвестных живописцев. В результате этого возникает как бы вторичное восприятие природы, ощущение условности изображаемого, несмотря на реалистическую деталь и конкретику увиденного. Так, в стихотворении «На лейпцигской раскрашенной гравюре» довольно подробно воспроизводится немецкий деревенский пейзаж: серо-синеватая даль, голая дорога, ряд глубоких борозд на пашне, ветхая церковная ограда и детали деревенского быта. При этом автор не просто воспроизводит увиденный на гравюре сельский вид, он как бы сам оказывается в созданном художником мире. Описывая «ряд облаков», поэт говорит, что это «следы недавней бури», он «слышит», как «под котелком потрескивает хворост». Автор «переживает» день вместе с пастухом, пахарем, путником и «какой-то Луизой или Шарлоттой» [5, с. 175]. Эта свойственная акмеистам опора на изобразительные виды искусства воспринималась некоторыми поэтами и критиками как признак «безжизненности» произведения, лишённого «внутренней свободы» [2, с. 132]. Это далеко не так. Поэт искренне ценит подмеченную живописцем гармонию человека и природы, естественность жизни. В стихотворении «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря» [5, с. 143] поэт, описывая картину крепостного художника, создает целую иерархию времен и пространств: того, что изображено на картине, самого полотна и реальности, в которой находится поэт, и, наконец, стихотворного произведения. По сути, это система зеркал, отражающая реальность. В данном случае в это отражение естественной жизни человека и

природы входят изображенный на картине маскарад, воспроизведший его художник, воспринявший это поэт и, наконец, читатель. Возникает особое чувство отчуждения от реальной жизни. Её как бы нет, но она воскресает на полотне художника:

Пусть голубеют веера, вздыхают робкие свирели,
Пусть колыхаются листы под розоватою луной,
И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели, –
Запечатлел его поэт и живописец крепостной [5, с. 143].

Поэт подчеркивает, что именно изображение природы прежде всего привлекает его в живописи в сравнении с натюрмортами и батальными сценами: «Но тех красот желанней и милей // Мне купы прибережных тополей, // Снастей узор и розовая пена // Мечтательных закатов Клод Лоррена» [5, с. 142].

Не случайно в поэзии Г. Иванова занимает значительное место тема жизни-театра. Немало «театральности» можно найти и в пейзажах Г. Иванова, но это не слабость и ущербность поэта, а своеобразное выражение концепции бытия. Отсюда и картина реальной действительности ему представляется листом гравюры:

На западе желтели облака,
Легки, как на гравюре запыленной,
И отблеск серый на воде зеленой
От каждого ложится челнока.
Еще не глохнул улиц водопад,
Ещё шумел Адмиралтейский тополь,
Но видел я, о влажный бог наяд,
Как невод твой охватывал Петрополь [5, с. 248].

Поэту кажется возможным появление в воссоздаваемом ландшафте надписи, как в музее на полотне: «И мне казалось, надпись по-латыни // Сейчас украсит эти облака» [5, с. 142]. Еще более ярко эту мысль поэт выразил в стихотворении «Растрёпанные грозами – тяжелые дубы...»: «Пред тусклою, огромною картиною стою // И мастера старинного как будто узнаю» [5, с. 141].

Иногда природа прямо кажется театральной декорацией, а небо театральным занавесом. Именно поэтому «драгоценные» краски часто передают не цвета реальных явлений, а становятся как бы яркими обертками фольги, в которую наряжен предметный мир: золотой месяц, золотой закат, серебряный кораблик, серебряный закат луны. Автор, а вслед за ним и читатель как будто оказываются в ином, в сравнении с изображаемым, мире. Эта поэтика помогает автору передать особую элегичность, грусть, сожаление об утраченном.

Следует сказать о роли в творчестве Г. Иванова *второй природы* – созданной руками человека. Особое место занимает у него изображение Петербурга. Это так называемый городской пейзаж. По словам Г. Н. Пospelова, он может быть средоточием «напряженных и острых противоречий урбанистической жизни» или символом «патриархальной неподвижности и провинциального спокойствия» [6, с. 47]. Петербургский пейзаж Г. Иванова – ностальгический. Петербург – сквозная тема его творчества. Ему посвящены десятки стихотворений: «Столица спит, трамваи не звенят...», «Веселый ветер

гонит лед...», «Китайские драконы над Невой», «Ветер с Невы. Леденеющий март...», «Петроградские волшебства», «У памятника Петра», цикл «Стихи о Петрограде» и т.д. Петербург для Г. Иванова – предмет изображения и источник вдохновения. Как и у других петербургских поэтов-акмеистов, это город не далекий и холодный, а обжитый и родной, любимый и близкий. Этот мотив у Г. Иванова постоянно варьируется. Он любит и светло-зеленый туман, и отяжелевшие колонны столетних зданий, и ледоход на Неве. Петербург для поэта оказывается частью его души, памяти о молодости, о России: «Быть может, города другие и прекрасны... // Но что они для нас! Нам не забыть, увы, // Как были счастливы, как были мы несчастны // В туманном городе на берегу Невы» («Как осужденные, потерянные души...» [5, с. 500]). Между внутренним состоянием автора и городом устанавливается духовная связь, что воплощается в своеобразном психологическом параллелизме, как это было в фольклоре по отношению к естественной природе. Хорошо и славно на душе у поэта, и город выглядит прекрасным и нарядным.

По словам Г. Гачева, первое, «что определяет лицо народа – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю» [3, с. 47]. Изображение природы с целью передать ощущение своего национального мира в творчестве Г. Иванова развивается и нарастает. Детали национального пейзажа особенно дороги ему в период эмиграции. В стихах Г. Иванова довольно часто рисуются живописные картины Италии, Франции, Шотландии, Фландрии, Финляндии, Норвегии и т.д., но эти пейзажи, хоть и прекрасны, но чужды душе лирического героя. Его не привлекает ни голубизна чужого моря, ни приход весны в чужой для него стране. Они становятся символами горя оторванных от родины людей. В прекрасном мире роз и экзотических деревьев ему не хватает мухомора, несущего в себе горечь родной земли:

Здесь в лесах даже розы цветут,
Даже пальмы растут – вот умора!
Но как странно – во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.

Может быть, просто климат не тот –
Мало сосен, березок, болотца...
Ну, а может быть, он не растет,
Потому что ему не растется.

С той поры, с той далекой поры –
... Чахлый ельник, Балтийское море,
Тишина, пустота, комары,
Чья-то кровь на кривом мухоморе... [5, с. 426]

Хотя большую часть своей жизни (тридцать шесть лет из шестидесяти четырех) Г. Иванов провел за границей, он до последних дней считал себя сугубо русским человеком и мечтал о возвращении на родину, хотя бы стихами. Поэт был уверен, что, несмотря на все политические перипетии, революции и войны, в русском читателе останется что-то родное и близкое, и он поймет поэта, а тот – утраченное, но дорогое отечество. Не случайно, обращаясь к России, он писал: «Ни границ не знаю, ни морей, ни рек. // Знаю –

там остался русский человек. // Русский он по сердцу, русский по уму, // Если я с ним встречу, я его пойму. // Сразу, с полуслова... И тогда начну // Различать в тумане и его страну» [5, с. 127]. Его отношение к России сродни отношению к вечности: та же зачарованность, та же обреченность, та же усталость.

Итак, образы природы в творчестве Г. Иванова концептуальны и разворачиваются не только в эстетическом, но и в социальном, национально-патриотическом и онтологическом планах, представляя собой, по большому счету, целостную философскую систему.

Список литературы

1. Алекова, Е. А. Поэзия Г. Иванова периода эмиграции: Проблемы творческой эволюции [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Алекова ; Мос. гос. обл. ун-т. – М., 1994. – 193 с.
2. Богомолов, Н. Талант двойного зренья [Текст] / Н. Богомолов // Вопросы литературы. – 1989. № 2. – С. 128–136.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира [Текст] / Г. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 448 с.
4. Гумилев, Н. С. Сочинения [Текст] : в 3 т. /Н. С. Гумилев. – М. : Худож. лит, 1991. – Т. 3: Письма о русской поэзии. – 428 с.
5. Иванов, Г. В. Собрание сочинений [Текст] : в 3 т. / Г. В. Иванов – М. : Согласие, 1993. – Т. 1: Стихотворения. – 656 с.
6. Поспелов, Г. Н. Лирика среди литературных родов [Текст] / Г. Н. Поспелов. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 208 с.

THE NATURE PHILOSOPHY IN GEORGE IVANOV'S POETRY

V. A. Redkin

Tver State University

The department of philology basics of publishing and literary creation

The George Ivanov's landscape poetry brings philosophical pathos. The numerous problems of life, the idea of Eastern religions, paganism and pantheism are riddled there with the characteristic of animation and personification of natural phenomena, but here the tradition of Christian culture with motifs of crucifixion, resurrection and the reality of the other world is prevailing. The details of the national poet of the natural world help the express of nostalgia. Significant place in the poet's image occupies the natural world through the lens of art.

Key words: *George Ivanov, nature, landscape, national character, the ontology, Orthodoxy.*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru